

Картина Видение четвёртое.

Аллея, берущая начало у задних ворот ипподрома и забора нервно-психиатрического диспансера, другим концом выходящая на прибрежную полосу мелкого пригородного залива. Тяжёлая скамья с чугунными боковинами. Доски сиденья и спинки частично отсутствуют. Справа бетонная урна без вставки. Против скамьи густой кустарник. Местность загажена окурками, пивными пробками, пустыми бутылками и упаковками от чипсов. Перед скамьёй ковёр из шелухи от семечек подсолнуха.

Трое художников, из которых один поэт, а другой писатель.

Александр Игнатьевич — художник, который постарше; он же прозаик.

Александр Николаевич — просто художник.

Михаил Анатольевич — художник, поэт, эзотерик

Пролог

Первым у скамьи появляется Александр Игнатьевич. Одет неброско, пальто поношенное, стоптанные башмаки, но зато выдавшая виды дорогая в прошлом английская шляпа фасона «котелок», изящная трость с бронзовым навершием в виде головы вавилонского царя Навуходоносора. В руках авоська с водкой плавленными сырками «Дружба» и пивом «Рижское». Кормится с архитектуры и газетной критики обо всем. Прозвище «Критик». Разметав ботинком шелуху, устраивается на скамье рядом с урной, предварительно подстелив на сиденье газету «Сталинская молодёжь». Подняв голову к небу, внезапно декламирует стихи.

Всей душою, друзья, возлюбите бездонное небо,
Горный шумящий поток через скалы летящий.
Пену волны голубой, страстно лобзающей берег:
То — Бог!
Всей душою, друзья, возлюбите родную Элладу,
Гор голубых красоту, в облака уходящих,
Грома раскаты и молоньи стрелы с Олимпа...

Сцена первая

К скамье неслышно подходит Александр Николаевич, которого в шутку кличут «Прапорщиком», намекая на тождество фамилии с персонажем пушкинской «Метели». Александр Николаевич мрачно осведомляется:

Прапорщик. Не помешал, Александр Игнатьевич?

Критик (*заканчивая строчку*). То — Бог!

Прапорщик. А Бог тут причём?

Критик. Это ты, Александр Николаевич, прапорщик неизвестно при чём, а мы все при Нём — при Боге. Так-то вот.

Прапорщик. А я пива взял «Московского». У магазина одну освеживал на пробу. Отменное.

Критик. А мне «Рижское» перепало и водка с «петушком». «Дружбы» вот на сдачу дали. А пиво роскошное. Скоро такого будет не сыскать. Кислым пильзнером давиться будете, лагером ссать без удовольствия. А тут — пробку сдёрнул, а из горла дымок. И не просто дымок — это ибн Хоттаб из нутра выплывает. Волшебство, да и только!

Прапорщик. «Московское» тоже преизрядное, правда без Хоттабыча. Оно из-под пробки вздох издаёт. Всего один раз, но отчётливо так и грустно. Грустно потому, что сейчас один сосуд опустеет, а другой переполнится. Это я к тому, что надо отлить.

Критик. Сходи-сходи! Да только это не вздох, а выдох. И в этом выдохе тоже Бог. Впрочем, вы меня всё равно не поймёте. Вы же сумасшедший. Давно ли из дурки? (*Кивок на забор диспансера.*)

Прапорщик (растёгивая в кустах штаны). У меня полная ремиссия!

Критик. Это вы им расскажите (*снова кивок на забор диспансера*). У шизиков полной ремиссии не бывает: или ты шизик или ты параноик, третьего не дано. Срочно в дурку!

Прапорщик (*застёгивая на ходу штаны*). Странное у вас, Александр Игнатьевич, представление о тонком душевном устройстве художника. Весьма странное. Я бы сказал на уровне злобного критика.

Критик. По себе сужу. Беззлобно. Помните, был такой поэт Фофанов? Так вот он регулярно у Николы-угодника гостил. Погостит чуток у Николы и обратно в мир живых, стихи сочинять. Кстати, преизрядные.

Прапорщик. Никола-угодник — это кто?

Критик. Не кто, а что — под Питером приют для умалишённых. Вот послушайте из Фофанова:

От светлых дум сомненья исчезали,
Как лёгкий дым от гаснувшей золы;
Я был далёк от сумрачной печали,
От злых обид и дерзостной хулы.

Я мир любил, и был любим я миром;
Тая в душе неугасимый свет,
Я в бездне бездн носился по эфирам,
С толпою звёзд, за сонмищем планет.

И видел я пленительные тайны
Бессмертного, божественного сна...
Я постигал, что зло и смерть случайны,
А жизнь с добром — и вечна и сильна.

Прапорщик. Свят, свят, свят! Какие уж тут пленительные тайны. Сплошная проза серой жизни. Слава Богу, я пока ещё в своём уме и стихов не сочиняю. Не сочиняю, но некоторых сочинителей очень даже уважаю.

Критик (*согласно кивает*). До поры, мой друг. Всё до поры.

Прапорщик. Алхимика ждать будем или без него начнём?

Критик. По пиву будет в самый раз. Пиво искусно разжижает умственно непереносимое ожидание до переносимого физически. Пожалуй, что «Рижского», Александр Николаевич?

Прапорщик. Мудрено загнули! Я, пожалуй, начну со вздоха. Простите, с выдоха. Или с обоих? Совсем вы меня запутали!

Критик. Говорю же, что вы с нами ненадолго. Вас там заждались (*кивок на забор диспансера*). А я вот в ожидании настоящего джина. Он-то выполнит три моих заветных желания. Выполнит. Я в это верю. Верю исключительно до забора в дурке, а потом не верю.

Открывает бутылку пива, зацепив пробку за доску сиденья. Пробка с шумом отлетает и звякает по дорожке. На мгновение является ибн Хоттаб.

Критик (*вздыхнув в унисон с «Московским»*). Ну, вот опять пусто. Где ты, мой добрый волшебник? Я до сих пор не летаю и неразменных нет денег.

Прапорщик. Удачная строка!

Критик. Дарю!

Прапорщик. Увольте, хотя и польщён премного. С меня своих тараканов довольно. Алхимику подарите. Порадуйте в нём поэта.

По аллее медленно подходит Михаил Анатольевич, по прозвищу «Алхимик». Художник, хотя помешан на стихах и эзотерике. Отсюда необычное прозвище.

Алхимик. Не опоздал, надеюсь?

Критик (*ворчливо*). Да что с вас взять-то, любезный Михаил Анатольевич? Вы же как дитя. У вас за что не прихвати — всё алхимия пополам с астрологией. А мы, грешные и не приставленные к тайнам, пивком разговляемся, значит. На скамье у дурки на задках

Алхимик. Всякому овощу своё время. Время астрологии пополам с алхимией и время пиву пополам с водкой. Я присоединяюсь, господа?

Прапорщик. Газетку только подстелите, сиденье затоптано. Уж не побрезгуйте местечком.

Алхимик. Напугали, ёжика филейной частью. Чего ж сами-то не садитесь, Александр Николаевич? Уж не геморрой ли?

Прапорщик. Не сидится, знаете ли. Я лучше постою. От меня не будет.

Алхимик. Как вам будет угодно, Александр Николаевич, хотя известно, что в ногах правды нет.

Прапорщик (*живо*). Но нет её и выше!

Критик. Ну, какой вы ёжик, Михаил Анатольевич? Не фиглярствуйте — вам не к лицу. Вы просто ёбнутый, тронувшийся на мистике.

Алхимик. И что в том плохого? Мы все тут ёбнутые. По нам по всем дурка плачет.

Критик. А не скажите! Вот он (*кивок на Александра Николаевича*) тронулся весьма профессионально. Просветите нас, дружище, сделайте одолжение!

Прапорщик (*стесняясь*). Ну, если вы настаиваете... Приболел я однажды. Жар. Голова раскалывается. Боюсь «испанку» подцепил. Сижусь себе в постели, облокотюсь на грудь подушек. Жена приносит мне яйцо. Взбивает гогель-могель. И чем больше взбивает его, тем больше исчезает цвет желтка, уступая место снежной белизне. С красками такого колера никогда не получится. И всё бы ничего, если бы не Шустов. Две ложки и нет больничной белизны. Серым стал гогель-могель как все дни моей жизни. Не вынес я такого (*подбирает слово*) хамства что ли... Я его всегда любил, искренне и бескорыстно, а надо же! С тех пор только водку... (*Помолчав.*) Александр Игнатьевич, подайте мне стакан. Водки с вами выпью. Серость разбавлю.

Алхимик. Простите, не понял: разбавите чем?

Прапорщик. У Малевича квадрат чёрный — смесь всех цветов, начало всех начал. Возможность всех возможностей, если хотите. А у меня водка — универсальный растворитель всех начал. Хочу и любой квадрат растворю. Растворю и сотру к ябени матери!

Критик. Не богохульствуйте, прапорщик! Говорю же, вам с вашим гогель-могелем прямая дорога за забор. Дурка по вам соскучилась.

Алхимик. А я в дурку ещё не созрел, хотя, признаться повод есть. Впрочем, давайте стакан и вашу водку.

Прапорщик. А своей нет?

Алхимик (*демонстрирует авоську с водкой и «Жигулёвским»*). Пока нёс, была своя. А как принёс, стала наша. Ваща? Наша? Запутали вы меня совсем с вашим растворителем!

Прапорщик (*разливает по стаканам водку*). Что ж, всё путём. Присоединяйтесь! Ну как же мы без вас? Без вас, Михаил Анатольевич никак нельзя-с!

Критик. Я не силён по части тостов и не могу соревноваться с Михаилом Анатольевичем в пиитике, посему буду краток. Там, за забором (*кивок на забор диспансера*) здоровья нет, как нет его и здесь. Ваше здоровье, коллеги!

Какое-то время художники молча пьют водку, закусывают плавлеными сырками и полируют пивом.

Критик. Михаил Анатольевич, вы порывались нам тайну свою поведать. Я так понял, что-то очень личное. Прошу вас не стесняйтесь, сделайте одолжение. Мы тут все художники, кому как не нам понять товарища. Особенно, когда товарищ в беде.

Прапорщик. Покуда не начали, я всем налью растворителя. Простите, водки.

Сцена вторая.

Алхимик. До дурки ещё далеко, хотя известно, что от беды не зарекайся и суму без нужды не разбирай. *(Принимает от Прапорщика стакан с водкой.)* Если требуется тост, но ничего лучше этого я не знаю: искусство с нами и Бог за нас!

Прапорщик. Сильно сказано!

Пьют не чокаясь. Александр Игнатьевич об скамью открывает пару бутылок пива и подаёт товарищам.

Прапорщик. Скверно, когда деньги на ветер. Не правда ли?

Критик *(занюхав водку плавленым сырком)*. Ну, так что там у нас? Не томите Михаил Анатольевич. Излагайте вашу печальку!

Алхимик. Извольте, но прежде несколько свежих строк для настроения. *(Декламирует.)*

Здесь, в этой комнате отрадный полумрак,
Часы старинные считают время плавно;
На мебели резной тускнеет мягко лак.
Картина на стене...

Критик *(перебивая)*. Не цепляет. Уж простите великодушно. Как художник вы профессиональнее поэта. Это я вам говорю, как архитектор, писатель и критик.

Алхимик. Это только присказка, уважаемый критик. Мне тут подарили картину на новолетие. Картину! Художнику! А, каково! Кто автор не знаю. То ли финн, то ли норвежец. Да, это и не важно! Представьте себе панорама — чухонский лес. Узнаваемый чухонский лес! В центре лесная поляна или прогалина болотная. На переднем плане три невысокие болотные сосны. Помните, как это у Лермонтова, хотя и по другому дереву. *(Декламирует.)*

Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зелёных листов,
От знойных лучей и летучих песков.
И многие годы неслышно прошли...

Оба Александра молчат, ожидая продолжения. Александр Николаевич откупоривает бутылку «Московского».

Алхимик. А! Какова аналогия! И родник, и писано изрядно! Панорама! Мастерски! С настроением! А на заднем плане вроде как ели. Корявые такие ели, а над ними в небе просвет. И на поляне тоже просвет. Время года не известно, потому что хвоя. Может осень, а может начало зимы или вообще весна.

Критик. Знакомо в целом. Я как-то наблюдал нечто подобное, когда обнаружил, что верхушки елей врезаются в небо симметрично тому, как небо врезается в лес. Хотел применить в проекте часовни, но рижская епархия двуглавую часовню забраковала. А с одной главой, какая симметрия? Никакой симметрии! Александр Николаевич, распорядитесь выпить, а то я смотрю вы увлеклись «Московским».

Прапорщик (*внезапно обнаружив в руках две початые бутылки с пивом*). И что в том странного? Отражение холодного норвежского темперамента. Эка невидаль! Да в наших краях таких отморозенных гениев десятки, если не сотни.

Алхимик. А не скажите! Фишка в том, что утром на картине рассвет, вечером — закат, в ненастный день — туман и просвет в облаках.

Критик. Свет – хорошая работа цветом, и не более того.

Алхимик. А не скажите! В ветреный день облака движутся, ветки шевелятся. Свет на елях играет. Удивительно!

Критик. И что в том удивительного?

Алхимик. А ничего! Всё это происходит само по себе. Стоит остановиться на картине взгляд и всё замирает. Отведёшь глаза и боковым зрением видишь: поплыло.

Прапорщик (*наливая в протянутые стаканы водку*). Эка невидаль! Не вижу повода для дурки. Должно быть разумное объяснение. Все действительно разумно. Картина действительно, следовательно, разумна. Кажется, так это формулируется.

Алхимик. Согласен, действительно разумно. А как быть, когда вам в затылок ветерок прохладный? Обернулся, и нет ветерка. Только холодок по спине...

Критик (*поднимая стакан на уровень глаз*). Ну, с Богом!

Пьют не чокаясь. Запивают пивом из горла, чтобы не утруждать стаканы линий раз.

Прапорщик. Так что там про ветерок? Сквознячок как будто не повод для дурки. Или ещё не повод?

Критик. От чего же! Сквознячок в башке очень даже повод. Однако сдаётся мне, Михаил Анатольевич, что вы нам тут Оскара Уайльда на чухонский лад перелагаете. Начислите-ка нам ещё водочки, уважаемый Александр Николаевич, для промыва оптической оси.

Прапорщик. А мы на зачастили с растворителем?

Алхимик. Водочки — это дело! Не откажусь. Однако вот странность: на картине нет ни птиц, ни животных. Ветерок есть, движуха есть, а живности нет.

Критик (*декламирует, дирижируя пустым стаканом*).

Всей душою, друзья, возлюбите людей и животных.
Молодость нашу любите, красивые линии тела,
Музыку, пенье и бег колесниц быстрокрылых:
То — Бог!
Всею душой возлюбите, друзья, наслажденье...

Прапорщик. Отчего не возлюбить! Налито! Возлюбим и пригубим!

Пьют не чокаясь. Александр Игнатъевич распаковывает три «Дружбы».

Критик (*раздав сырки декламирует с особым выражением*).

Телом красивым хвалитесь вы друг перед другом,
Скиньте одежды, чтоб ласкам любовным предаться!
Юноша пылкий и муж приходите в объятья...

Прапорщик. Сдаётся мне, что вы, Александр Игнатъевич, забегаете сильно в будущее. Сильно забегаете. Слава Богу, ещё не началось. Декламация ваша вызывающая и двусмысленна. Особенно в мужской компании.

Критик. Ничего-то вы, Александр Николаевич, не понимаете в поэзии. Это вам не ваш гогель-могель! Это из моего нового романа. Стихи вавилонской куртизанки. Царство Набунаида — моя вторая реальность, куда я сбегаю от первой. Вот уж где рассветы и закаты, где ветерок и прочая движуха. И всё это только до забора. (*Кивает на забор диспансера.*) За забором был Вавилон и нет его. Были блудницы вавилонские и нет их. Последнее особенно жаль.

Прапорщик. Много вы понимаете в гогель-могелях! В моей дурке всё омерзительно серое. Нет ни цвета, ни вавилонских куртизанок. Однажды при мне человека в кабаке пырнули ножом в живот. А в животе под бледно-розовой кожей у него серая масса. Оказывается, серое не только вокруг нас, но и внутри тоже. В животе серость и в голове серость. И в глазах тоже серость! Есть от чего умом тронуться. Уж можете мне поверить.

Критик. Охотно верю, а особенно, когда вы благоволите налить мне ещё водки. И хватит перед глазами мельтешить словно у вас не романтическая дурка, а банальный геморрой. Наконец, остановитесь!

Алхимик. Водка вполне будет уместна, тем более, что я вам ещё не всё рассказал.

Критик. О, как забавно! Оказывается, продолжение будет. Александр Иванович, не томите, разливайте, если что осталось.

Прап орщик (ворчливо). Николаевич. Неужели так трудно запомнить.

Алхимик. Водки осталось, можете не сомневаться. Мой взнос в симпозиум ещё не починили.

Александр Николаевич разливает водку по стаканам. Пьют не чокаясь.

Критик. Когда хорошо, господа, кто скажет, что плохо? Никто! Уж и не чаял, что оптическая ось так выправится. Ещё немного и у меня откроется второе зрение. Я увижу мой любимый Вавилон, куртизанок во плоти и дедушку моего любимого.

Прапорщик. И кто у нас дедушка, если не секрет?

Критик. На-вуха-до-нос-сор. *(Внезапно пытается заплакать.)* Навуха... Донос... Ссор... Прах его поberi! *(Яростно стучит тростью по земле.)* Да что вы вообще понимаете!

Прапорщик. Сильно. Ещё растворителя?

Критик *(внезапно успокаиваясь и протягивая стакан)*. Пожалуй.

Александр Николаевич разливает по стаканам водку. Пьют молча, без тостов. Александр Игнатьевич пытается смахнуть несуществующую слезу.

Алхимик. Я тут вспомнил, как в юности в лес ходил. И тот мой лес был как на картине — почти болотина. Свой лес я исходил вдоль и поперёк. Наизусть каждую тропинку. В лес-то я вошёл, а через десяток шагов обернулся и обомлел. Совсем другое место, незнакомое, чужое. И тропинка незнакомая. Обосраться со страху! Знаете, почему вспомнил?

Прапорщик. Ума не приложу, Михаил Анатольевич. Сделайте одолженьеице!

Алхимик *(протягивая пустой стакан)*. Плесните, если не жалко. А потому вспомнил, что в том — чужом лесу была тишина. Очень, знаете ли, неприятная тишина. Я отлично знаю, как тишина звенит жилкой на виске, а тут молчок! Или звуки стёрли или я оглох.

Критик. Что так? Заплутали, так и признайте. Нет тут никакой мистики, нет никакой тайны.

Алхимик. А десять шагов на три десятка вёрст? Это вам не мистика?

Критик. Поди ж ты, завёлся! А дурка-то тут причём?

Алхимик. А притом, что лес на моей картине ожил. Облака, ветерок и, главное, звуки, а пуще того запахи объявились. Травой запахло, хвоей, смолой запахло, болотиной потянуло и ещё чёрт знает, чем. Вот вам и дурка!

Прапорщик. А фишка-то в чём?

Алхимик. Фишка? Фишка в том, что я свою картину знаю наизусть, а тут совершенно незнакомый пейзаж. Другая картина. Понимаете, дру-га-я! Шевелится и пахнет!

Критик. Оскар Уайльд. Шиворот на выворот портрет Дориана Грея. Бардак у вас в головах, Михаил Анатольевич. Вот у меня в Вавилоне всё очень даже прилично. Никакого леса нет. За воротами один только песочек и сады висячие внутри.

Прапорщик. С павлинами?

Критик. С павлинами.

Прапорщик. В цвете?

Критик. В цвете.

Прапорщик. Завидую.

Критик. Тогда наливай. *(Протягивает пустой стакан.)* У меня в Вавилоне приятное общество развлекается в пальмовой тени. Пьёт изысканное вино и под аккомпанемент прохладных струй благодарно внимает куртизанкам.

Прапорщик. А что блудницы?

Критик. А что блудницы? Известно что! Блядуют, как им и положено.

Прапорщик. Завидую. Хоть одним бы глазком взглянуть.

Критик. А ты, Александр Николаевич, не завидуй. Они блядуют до забора, а за забором — в дурке нет места блядству. Как-то так, если кратко.

Александр Николаевич разливает по стаканам водку. Пьют молча, не чокаясь. Александр Игнатьевич обнаруживает, что сырки закончились и открывает бутылку «Рижского».

Критик. Кончилась «Дружба», господа! Осталось только пиво. Вот *(демонстрирует бутылку)*, даже джин меня игнорирует. Сволочь! Обидно. Не-за-слу-женно обидно, господа!

Прапорщик. Мне знаменитый поэт недавно говорил, что все заграничные знакомые — сволочи. Так и сказал: сволочи, причём все.

Критик. Так и вы, Александр Николаевич, тоже сволочь.

Прапорщик. С чего бы это?

Критик. А с того, что вы наш знакомец и тоже за границей.

Прапорщик. Не вижу логической связки.

Критик. Раз не видишь, проблема в оптической оси. Запудрилась. Не журишь, Александр Николаевич, и плесни нам своего растворителя, ось продезинфицировать.

Александр Николаевич разливает водку по стаканам. Пьют не чокаясь.

Алхимик. Надо бы прибраться за собой, а то получится как у Лермонтова — пепел на почве бесплодной. Александр Николаевич подсобите пристроить в сетку пустую тару. Завтра Бог даст пригодится опохмелиться.

Прапорщик. Стесняюсь спросить, а как это у Лермонтова?

Алхимик (декламирует слегка нетвёрдым голосом):

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли до утра их огнем.
Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальный на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.
И ныне все дико и пусто кругом...

Критик. Сумрак действительно упал. Прямо на нас и упал. Но это, это вы сейчас к чему? Откуда столько пессимизма перед воротами в дурку?

Алхимик. А к тому это, что ночью мой лес сгорел.

Прапорщик (в ужасе). Что же вы молчали то?! Пожар в доме?

Критик. Картина сгорела, ну и хрен с ней!

Алхимик. Нет. Картина цела, а лес вот сгорел. Дотла. До серого пепла.

Прапорщик. До пепла? Какой ужас!

Эпилог

Смеркается. Холодает.

Критик. Я не силён по части тостов, тем более что это (кивок на забор диспансера) как череп на пиру у эллинов — напоминание о краткости бытия на воле. Только здесь, у забора я чувствую всю полноту жизни, потому что там, за забором жизни уже нет. Забор — это аллегория, граница бытия и не бытия. Толщина как в гробу — всего в одну доску, а каков эффект! Здесь ещё есть, там уже нет...

Пьют не чокаясь.